

С.И. Кормилов

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»

Единственная в XIX веке удачная стилизация фольклора в большой эпической форме, в стихе, близком к речевой организации песенного «лада». В «Песне...» нет чисто отрицательных персонажей, облагороженное, возвышенное прошлое в целом противопоставляется (хотя и без прямого заявления об этом, как в «Бородине») измельчавшей современности. Сведения из «Истории государства Российского» Карамзина о поощрении Иваном Грозным похищения его любимцами красивых жен знатных людей, дьяков, купцов, о том, что царь избрал некоторых похищенных женщин для себя (потом все они, обесчещенные, были возвращены по домам), в поэму не попали, как и то, что исторический Грозный конфисковывал имущество казненных, а не обеспечивал их семьи. Лермонтовский царь Иван Васильевич не знает, что Кирибеевич влюблен в замужнюю, и готов помочь лишь законным путем: «Как полюбишься — праздной свадебку, / Не полюбишься — не прогневайся» (на Грозного!). «Лукавый раб» обманул царя, нарушил христианский закон, почти обезумев от любви. На пиру лишь на третий раз он, подавленный, замечает напряженное внимание к нему царя и обращается с просьбой только отпустить его «в степи Приволжские», чтобы там сложить «буйную головушку... на копье бусурманское», но становится жертвой собственного обмана. Царь ему жалуется драгоценности, которые должны склонить девушку к «свадебке» при помощи «свахи смышленной». Именно драгоценностями пытается Кирибеевич прельстить Алену Дмитриевну. Иван Грозный невольно подтолкнул его к нечестному поступку.

«Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!» –

упрашивает свою любовь почти невменяемый Кирибеевич. Страсть его так велика, что он, как потом мцыри, готов удовольствоваться несколькими мгновениями счастья. Этот «бусурманский сын», по определению Калашникова, все же христианин и умоляет Алену Дмитриевну не дать ему покончить с собой — «умереть смертью грешною». Такое умение любить вызывает сочувствие к нему автора и даже условных повествователей-гуслиаров. Гибель Кирибеевича описана так, как в фольклоре описывается смерть традиционного «добра молодца»:

Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.

Но Алену Дмитриевну он опозорил на глазах «злых соседюшек». Хотя она рассказывает об этом, повалившись в ноги мужу, просит она не прощения (виниться ей не в чем), а заступничества:

«Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!»

Степан Парамонович среди ночи вызывает братьев, выступая защитником семьи, рода:

«Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич» —

и не сомневаясь, что в случае его поражения в смертном бою братья выйдут на опричника. И во время поединка он противопоставляет свою честную семью семье палача Малюты, которой «вскормлен» Кирибеевич:

«А родился я от честнова отца,
И жил я по закону Господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною...»

Кирибеевич осознает свою неправоту («побледнел в лице...»), но благородства в нем нет. Он «ударил впервой купца Калашникова» и, пусть ненамеренно, погнул висевший на его груди «медный крест / Со святыми мощами из Киева», буквально ударил по мощам. Удар таков, что Степан Парамонович мысленно апеллирует к судьбе, прилагая вместе с тем все силы, чтобы победить в правом деле:

«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»

И Кирибеевич, и Калашников — типично лермонтовские волевые, деятельные герои, но весьма разного морального достоинства. Дело Калашникова правое. Однако с точки зрения абстрактного «закона» он вершит самосуд. О позоре его семьи известно «соседушкам», а значит, едва ли не всей Москве, но не царю: разговора поединщиков Иван Васильевич не слышал, для кулачного боя «оцепили место в 25 сажень». Царь спрашивает, «вольной волею или нехотя» Калашников совершил убийство. Тот не может сказать, что «нехотя», не только из-за своей честности и прямоты. В поэме кроме конфликтов «Кирибеевич — семья Калашниковых» и «Калашников — царь» есть и третий конфликт, романтический конфликт достойного человека и толпы, принявший в данном случае форму вполне исторической социальной психологии. То, что глава обесчещенной семьи убил обидчика, «вольной волею», должно быть известно всем. Именно это смутит с семьи пятно позора. Но если царь о нем не знает, то Калашников ему и не скажет.

Царю нужен ответ «по правде, по совести», но скрытая угроза в его вопросе есть: убили не кого-нибудь, а «мово верного слугу, / Мово лучшего бойца Кирибеевича». Иван Васильевич казнит Калашникова и по неведению, и потому, что тот прямо отказался открыть причину убийства, об этом он скажет «только Богу единому». Как верно говорится в исследовании русского романтизма, «Грозный в поэме убежден в своей власти не только над жизнью и смертью, но и над душами своих подданных»¹. Кирибеевич должен радоваться на пиру, раз веселится царь. И доброта Грозного к Кирибеевичу обусловлена, во-первых, тем, что веселье на пиру по царской воле должно восторжествовать, а во-вторых, тем, что верный слуга публично сознался по царскому приказу в своем интимном чувстве. Это тоже отсутствие того благородства, которым наделен простой купец. Личное достоинство в Калашникове неотрывно от народных нравственных представлений. Поэтому, несмотря на «позорную» казнь (что в данном случае отчасти означает и обставленную как зрелище), похороненный не совсем по христианскому обряду — не на кладбище — Степан Парамонович оставил по себе хорошую память в народе. По-своему отдают ему должное и «стар человек», и «молодец», и «девица», и гусяры, которые, проходя мимо его могилы, «споют песенку». Мажорным, подлинно песенным аккордом «Песня...» и кончается.

Так что идея поэмы не исчерпывается противопоставлением безгеройной современности и века незаурядных людей, отнесенного в прошлое (Печорин ведь тоже незауряден). И в XVI веке, как он представлен Лермонтовым, человек из народа объективно мог оказаться морально выше царя, который не только становится — именно в силу своего самодержавного статуса — виновником чудовищной несправедливости, но и глумится над

¹ История романтизма в русской литературе: Романтизм в русской литературе 20–30-х годов XIX в. (1825–1840). — М.: 1979.

осужденным («Хорошо тебе, детинушка... Что ответ держал ты по совести»). Приговор еще не произнесен, а Иван Васильевич уже обещает пожаловать из казны «сирот» Калашникова.

«Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить...»

Обещая обставить казнь как торжество, царь вдруг, подобно скомороху, заговорил в рифму. Он хочет дать знать москвичам, что и Калашников «не оставлен» его «милостью». Это в высшей степени мрачная шутка.

Образы «Песни...» пластичны, представимы. Например, Калашников перед боем

Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает,
Да кудряву бороду поглаживает.

В поэме создан, при всей его условности, в целом убедительный образ Древней Руси. Никто из героев не боится смерти — ни Калашников, ни Кирибеевич (оба, признавая в разное время свою вину перед царем, даже просят их казнить), ни Алена Дмитриевна. «Не боюсь я смерти лютыя, / Не боюсь я людской молвы, / А боюсь твоей немилости», — говорит она Степану Парамоновичу, хотя, как выясняется, молвы она очень боится. Калашников же, строгий муж, поначалу предполагает недостойное поведение жены и угрожает ей.

В поэме масса и других признаков исторического времени: от деталей одежды, вооружения, конской сбруи до форм поведения поединщиков, которые предваряют бой бранью и похвальбой. Общее, исторически обусловленное не заслоняет индивидуальности характеров. Так, Кирибеевич, выходя на бой, «царю в пояс молча кланяется», Калашников тоже начинает с поклона царю, но затем еще кланяется «белому Кремлю да святым церквам, / А потом всему народу русскому». «Люди московские» для него воплощают весь русский народ (часть замещает целое — черта средневекового сознания).

Традиционные эпитеты («вина сладкого заморского», «очи его соколиные» и т. д.), сравнения, многочисленные случаи синтаксических повторов и параллелизма, прямого и отрицательного («Не сияет на небе солнце красное, / Не любуются им тучки синие: / То за трапезой сидит во златом венце, / Сидит Грозный царь Иван Васильевич»), инверсии («дума крепкая», «слово грозное» и т. д.), обстоятельные речи героев, выраженность всех переживаний вовне (внутренний мир Калашникова непосредственно для читателей открывается лишь единожды, в кульминационный момент поединка) — эти и другие особенности поэтики «Песни про царя Ивана Васильевича...», вплоть до длинного заглавия с перечислением героев соответственно социальной иерархии, а не роли в сюжете, воспроизводят черты древней словесности (фольклора и отчасти литературы).